

УДК 930.2, 93, 327

ОБЪЯСНЕНИЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ БУДУЩЕГО

© 2022 ОБИЧКИНА Евгения Олеговна *

Доктор исторических наук

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации (МГИМО).*

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

*E-mail: obitchkina@mail.ru

Поступила в редакцию 03.10.2021

После доработки 11.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Зарубежные публикации отечественных историков-страноведов являются особым жанром научной деятельности. Их предназначение – дать ответ на острые вопросы, связанные с российской темой и находящиеся в центре внимания зарубежной аудитории. Изучение комплекса французских публикаций ведущего отечественного франковеда и дипломата Ю. И. Рубинского, написанных большей частью в 1997–2000-х гг. и собранных в едином издании, позволяет выделить главный вопрос – о европейском будущем России. Владение универсальными методологическими приёмами историко-политического анализа позволяет преодолеть стереотипное восприятие мотивов внешней политики России. Истоки кризиса отношений в треугольнике Россия – Украина – Запад видятся в столкновении энергетических и политических интересов, распад СССР вписан в глобальный процесс распада колониальных империй, а перспективы ситуативного сотрудничества России и США в Центральной Азии рассматриваются в логике «большой игры». Основой, на которой построено «послание» русского европейца, является видение европейской перспективы, особенно близкое французской аудитории. Это сосуществование «европейской» (а не атлантической) Европы (ЕС) с Россией на основе прагматичной гармонизации экономических, энергетических интересов и общего пространства безопасности. Историческая слабость либеральной традиции в России препятствовала её ускоренной конвергенции с Западной Европой, что не отменяло прагматичного стремления опереться на Запад в интересах экономического развития. Это стремление относительно, поскольку зависело от готовности Запада к встречному движению, а маргинализация России лишает ЕС перспективы стать самостоятельным центром силы.

Ключевые слова: Россия и Запад, концепция суверенитета, внешняя политика России, политика России в Центральной Азии, конфликт энергетических интересов России, Украины и ЕС, Россия – Турция – Европа.

DOI: 10.31857/S0201708322030147

EDN: GHAUGI

Осмыслить настоящее, основываясь на уроках прошлого и планов на будущее – суть ремесла историка, который занимается современностью. Международный аналитик, интегрированный в международное (европейское) научное сообщество, неизбежно выступает в двоякой роли: для отечественной аудитории он является исследователем и толкователем зарубежных реалий, а для зарубежной – ретранслятором и толкователем российской политики, стремящимся преодолеть «трудности перевода», сопрягая свои суждения и аргументы с иным, но не чуждым ему нарративом. Глубокое знание другой страны неотделимо от эмпатического её восприятия, которое предполагает поиски взаимопонимания как оптимального условия сотрудничества двух социумов, от которого зависит благоприятная среда для его профессиональной деятельности. Мало кто из специалистов-страноведов откажется от возможности высказаться, предоставляемой публикациями в зарубежных изданиях, тем более что подобное разъяснение «из первых рук» является очень востребованным. Информационный повод, тема или формулировка поставленных вопросов указывают на болевые точки отношений, провоцирующие обострённый интерес зарубежных наблюдателей и заинтересованных читателей. Зарубежные публикации отечественных экспертов-страноведов являются особым материалом для сравнительного исследования историко-политических нарративов, а их сведение воедино позволяет не только составить картину как отечественного, так и зарубежного политического запроса, но и определить «нерв» взаимодействия двух социумов в решающий период становления новой России и складывания нынешней парадигмы её отношений с Западом.

В фокусе данного исследования – вышедший во Франции сборник французских публикаций ведущего отечественного франковеда – уникальной личности: историка, дипломата и внешнеполитического аналитика Ю.И. Рубинского [Обичкина, 2020: 191–201]. Хотя перевод названия («Приметы времени») может звучать аналогично русскому трёхтомнику того же автора, вышедшему в Москве в 2018 г. [Roubinski, 2020; Рубинский, 2018] и также приуроченного к 90-летию автора, два издания содержат совершенно разные работы, объединённые периодом их создания: 1997–2020 гг., но продиктованные различными запросами, отвечающими двум национальным повесткам: российской и французской, а в более широком смысле – европейской. В то же время они объединены центральным вопросом, составляющим суть «русского вопроса» в глазах европейцев и большой вопрос российской самоидентификации – проблему европейской принадлежности России не в географическом, а в органическом смысле этого понятия. Тексты, адресованные французскому читателю, вышли в момент, когда высокий градус напряжённости между Россией и Евросоюзом сделал неактуальной парадигму общего развития Европы в логике конвергенции, предло-

женную Парижской хартией СБСЕ для новой, постялтинской Европы. Между тем большая часть вошедших в книгу публикаций была написана в 1990–2000-е гг., когда направление движения казалось встречным, а точка невозврата (2014 г.) была ещё впереди. Общий пафос определяется убеждением русского европейца в конечной общности судеб России и Европы. Автор намеренно отказался редактировать текст в соответствии с современным состоянием отношений России с Европой, и читатель поставлен перед вопросом, дальнейший путь разрешения которого известен.

Во Франции в силу исторических и геополитических причин восприятие посткоммунистической России было связано с надеждой на общее развитие в общем «европейском доме». Проект преодоления раскола Европы на путях конвергенции применительно к России упирался в вопрос о совместимости. Прежде чем окончательно утвердиться в образе «другого», чуждого, если не враждебного Западной Европе, Россия рассматривалась как возможное поле для этого грандиозного эксперимента, однако уже в 1990-е гг. его успех вызывал сильные сомнения. В ельцинские годы требовалось разъяснить причины торможения либеральных реформ, а в 2000-е речь шла о самой их возможности в российской политике.

Об отказе от либеральной парадигмы в пользу державного консерватизма

Размышления о российской идентичности неизбежно начинаются с истории, постоянно прорастающей в настоящее, и это особенно заметно в переходный период. Первая часть книги Ю.И. Рубинского названа «Россия или непрошедшее прошлое», и франкофоны оценят точность и изящество переданной оценки (*le passé présent*). Одним из болезненных вопросов российской политики, от которого намеренно отворачивались советские историки и который не может не занимать наблюдателей современных трансформаций, является относительная слабость не только либерального, но и близкого ему своим гуманитарным пафосом и реформизмом социал-демократического направления мысли, недолговечность либерального реформаторства и неизменное возвращение к консерватизму: монархическому, коммунистическому или иному, но неизменно объединяющему государство, элиты и общество.

Книгу открывают размышления о печальной русской судьбе масонства, с XVIII в. объединяющего представителей европейских элит в интернациональное трансграничное сообщество либералов в поисках построения универсального и рационального миропорядка. Симбиоз власти и идеологии, будь то православие или ленинизм, по мнению автора, делал государство и при царе, и при большевиках нетерпимым к любым духовным поискам либеральной альтернативы, особенно если они исходили из зарубежного источника и претендовали на универсальность. Либерализм в России в неизменном столкновении с государственной идеей, как революционной, так и реакционной (консервативной), терпел поражение, поскольку последняя в большей степени совпадала с российскими политическими традициями [Roubinski, 2020: 17].

Зеркальным отражением судьбы либералов является судьба их антиподов — коммунистов, которым в новой России была уготована активная «жизнь после

смерти». Название соответствующей главы отражает один из парадоксов, на котором строилась современная политическая система России. Издержки «шоковой терапии» могли бы обеспечить им широкий протестный электорат, однако руководители партий отказались от активной оппозиционной борьбы, предпочитая участие во власти. Таким образом, отказ нового правящего класса России от конвергенции в смысле встраивания в ансамбль западных демократий носил системный характер. Российское великодержавие могло бы найти понимание во Франции, которая, невзирая на снижение потенциала, сама следовала «политике престижа», но европоцентризм мешал сочувствовать подобному самоутверждению. Идеологическое противостояние с Западом ушло в прошлое, но природа новых расхождений породила вопросы у тех, кто задумывался о формуле отношений между двумя оконечностями Европы.

Поискам русского ответа на эти вопросы была посвящена работа, вышедшая (судя по контексту) в середине 2000-х, когда можно было подвести итоги 15-летней истории нового государства и первого срока правления В.В. Путина. Преемственность цели от Ельцина к его преемнику состояла в обеспечении статуса великой державы и свободы манёвра на международной арене. «Русская исключительность» навсегда ушла в прошлое» [Roubinski, 2020: 75] – утверждал автор в том смысле, что разрыв с советским прошлым знаменовался отказом от какого-либо идеологического лидерства, от неоимперской политики в пользу *Realpolitik*, преследующей национальные интересы, но исходящей из трезвой оценки сокращения экономического, демографического и военного потенциала. Первоначальная ориентация исключительно на Запад привела к глубокому разочарованию, поскольку тот не согласен был щедро оплачивать саморазрушение «Империи зла».

Тяжёлый итог ельцинского периода заставил В.В. Путина, несмотря на его первоначальное «западничество», открыть новую главу в истории России. Впечатляющее восстановление экономики облегчило укрепление «вертикали власти», что неотделимо от восстановления международного веса страны. На этой основе Путин стремился примирить кооперативный дух начала 1990 гг. и строгость в отстаивании российских интересов. На первый план среди приоритетов вышло постсоветское пространство, а к его удачам на западном направлении автор относит активную поддержку США в борьбе против талибов, подключение к G7, возобновление сотрудничества с НАТО в новом формате (20 вместо 19+1), принятие плана строительства четырех общих пространств с ЕС. Последующее охлаждение автор объясняет реакцией на политику Запада, затрагивающего чувствительные интересы Москвы: выход США из Договора по ПРО и движение НАТО на восток. Вместе с тем, как отмечает автор, Москва избегала прямого разрыва с Вашингтоном. Например, её позиция в иракском кризисе 2003 г. совпадала с мнением Парижа и Берлина: осуждая военную интервенцию, никто из них не желал поражения США.

Характерно, что несмотря на то что в период с 2001 по 2003–2004 гг. во внешней политике Москвы постфактум можно разглядеть явную тенденцию нарастающего противодействия *Pax Americana*, текст Рубинского сконцентрирован на преемственности от первоначальной идеи солидарности с Западом, скорректированной прагматичным стремлением отстаивать во всех комбинациях собственные интересы и соб-

ственные пути развития. Явный отказ от прозападной парадигмы был впереди, но остаётся вопрос о его причинах. Касаясь перспектив продолжения курса Путина в его втором президентском сроке, Ю. И. Рубинский указал, что «ответ зависит не только от президента, даже не от его страны, но от их партнёров», поскольку попытки решать международные проблемы, затрагивающие интересы России, «без неё или против неё» возродят атмосферу взаимного недоверия и системной конфронтации, которыми прежде были отмечены отношения России и Запада» [Roubinski, 2020: 93].

Четыре года спустя, в начале президентского цикла Д.А. Медведева и после знаменитой Мюнхенской речи В.В. Путина, автор возвращается к теме внешнеполитического выбора. Европейцев волновал вопрос о преемственности политики при новом президенте. Прогноз Ю.И. Рубинского оказался абсолютно точным. Для него преемственность внешней политики при смене президента определялась отсутствием реальной альтернативы избранному курсу, поскольку абсолютными приоритетами оставались суверенитет и безопасность [Roubinski, 2020: 72]. Начавшийся мировой финансовый кризис вывел на первый план продвижение национальных интересов в сфере экономики. Ограниченность ресурсов определяла самоограничение в амбициях: защиту национальных интересов без конфронтации, отказ от бесполезных попыток сравняться с США, быть противовесом США или Запада, соразмерность расходов на модернизацию армии экономическим возможностям, разумную достаточность ядерного арсенала сдерживания. Однако самоограничение оказалось преходящим и соответствовало времени приобщения к глобальному рынку, где правила поведения диктовали те, кто стоял у его истоков.

Экономика, как правило, не является сильной стороной политических аналитиков, несмотря на доказанность определяющей роли экономических факторов в формировании политического курса и дипломатических приоритетов современного государства. Между тем в книге Рубинского экономическому фактору, как важнейшему ресурсу российской власти и одновременно как источнику проблем, отведено значимое место, поскольку первым и главным козырем и одновременно камнем преткновения в отношениях России с Европой было превращение в «энергетическую гипердержаву». К середине 2000 гг. в прямой связи с «оранжевой революцией» на Украине и парламентскими и президентскими выборами в России энергетические интересы России и ЕС стояли в центре обсуждения, поскольку в этой сфере были сосредоточены основные финансовые и политические рычаги российской власти. В то же время роль нефтяной ренты в российском обществе вызывала опасения относительно превращения страны в сырьевой придаток развитых стран. Европейцы в свойственной им манере построения энергетических партнёрств считали естественным полным контроль надо всей энергетической цепочкой – от разведки и производства до распределения конечному потребителю. Российская сторона стремилась вернуть себе контроль не только над добычей, но и над трубопроводными сетями, обеспечить участие в прибылях западных распределительных компаний.

Рост энергетической взаимозависимости между Россией и ЕС был не только благом, но и источником напряжённости. Не менее сложным было сотрудничество-соперничество в энергетических проектах, связывавших Россию и США. Высшая

точка их развития приходится на первые годы правления Дж. Буша-мл., и автор прямо указывает на роль в этом усиленного российско-американского партнёрства против исламского терроризма в период острого кризиса американо-арабских отношений. Каждое из трёх главных направлений энергетической политики России, указанных Рубинским (усиление госконтроля над отраслью, привлечение иностранных инвестиций для строительства трубопроводов как на западе, так и на востоке, проникновение русских капиталов в энергетический сектор постсоветских государств) вызывало негативную реакцию партнёров [Roubinski, 2020: 101]. Российским экспертам постоянно приходилось защищаться от упрёков европейских коллег в использовании «энергетического оружия» для давления на импортёров и транзитные государства Восточной Европы. В то же время развёрнутость российских трубопроводов исключительно на запад создавала обязывающую зависимость от энергетической политики потребителей, которые не скрывали стремления диверсифицировать поставщиков и пути доставки в обход России. Отвечая этим претензиям, следовало показать, что неуступчивость России исходит не из политических, а экономических оснований, поскольку она имеет в сравнении с ближневосточными поставщиками более высокие издержки на добычу и доставку энергоносителей, что требует колоссальных инвестиций для их разработки. К этому добавляется высокая доля внутреннего энергопотребления. Таким образом, Россия не может обойтись без постоянного наращивания производства и продажи энергоносителей, а её экономический рост напрямую связан с неподконтрольным ей мировым рынком.

Почему Россия не может отказаться от имперской политики?

Львиная доля книги посвящена судьбе имперского наследия России, её политике в «ближнем зарубежье» – на огромном пространстве, первоначально объединённом в СНГ. Поведение России здесь вызывало два главных вопроса. На начальном этапе её развития в качестве постсоветского государства, разделившего судьбу бывших республик распавшегося СССР, это был вопрос её способности вписаться в новую, европейскую геополитическую комбинацию. Интегрировать Россию – огромную и веками чуждую сущность на основе конвергенции с Западом можно было только, опираясь на «нормы», т.е. на её отказ от великодержавных амбиций, что казалось разумным из-за качественного снижения экономического, военного и технологического потенциала, гибели большевизма с его универсальной коммунистической миссией. Понятие «нормы», отражаясь эхом от этого запроса, неоднократно всплывает в работах французских аналитиков, посвящённых российской внешней политике от Ельцина к Путину [Обичкина, 2021: 180–191]. Для европейцев было очевидным, что страна, обладавшая в конце 1990-х гг. ВВП, равным показателям Нидерландов, должна была смириться с положением заурядного игрока, направляемого солидарным Западом. Другой вопрос, также поставленный в рамках западной парадигмы – о способности России расстаться с имперской политикой в ближайшем окружении. Он касается не только экзистенциального выбора России, но затрагивает интересы её западных партнёров, оспаривающих влияние на постсоветском пространстве.

Отталкиваясь от понятной любому французскому гуманитарии формулы Ж.-Б. Дюрозеля «каждая империя погибнет»¹, российский историк в подробном анализе распада СССР добавляет в духе Толстого: «но каждая погибает по-своему». Разъяснение особенностей российской политики сопровождения этого процесса призвано преодолеть её упрощённое восприятие на Западе. Комплексное изучение его истории, в силу её крайней политизированности, в отечественной историографии долгое время было отложено на будущее, отдано на откуп политикам и политологам. Тем ценнее предпринятый Ю.И. Рубинским исторический труд по осмыслению недавнего прошлого, построенный на универсальных методологических принципах исторической науки, благодаря которым распад СССР органично вписан в глобальную историю – во всемирный процесс деколонизации, что идёт вразрез с мнением о решающей роли в нём националистически настроенных элит бывших союзных республик. Исходный посыл Ю.И. Рубинского состоит в том, что главным фактором распада СССР был крах самой советской системы, слабая экономическая эффективность которой не позволила режиму справиться с грузом внутренних проблем и множасьихся международных обязательств, ответить на военно-технологический вызов Запада. Я бы ещё добавила к этому, что советская «империя» держалась на уникальной модели «государства-партии», и одряхлевший идеологический скелет, на протяжении 70 лет цементирующий многонациональное единство, рассыпавшись, вызвал смерть всего организма.

В то же время крайне важна мысль автора об органичных истоках и вызревавших длительное время предпосылках националистического взрыва в союзных республиках в конце 1980-х гг. Он указывает, что движение за национальное самоопределение колониально зависимых народов, с начала 1950-х гг. активно поддержанное и использованное Москвой для ослабления мирового капитализма, «не могло остановиться на границах СССР» [Roubinski, 2020: 128], отчего в момент крушения советского режима партийной номенклатуре в национальных республиках потребовалось срочно «переодеться в национальные одежды», чтобы остаться у власти. С политической точки зрения сравнительно безболезненную смену власти обеспечивал союз реформаторов из советской номенклатуры и российских либералов с умеренными националистами на местах. На начальном этапе (в начале 1990-х гг.) второй за XX в. распад империи в России не повторил кровавой истории первого, в первую очередь, потому что его главной движущей силой стала сама метрополия. Создание СНГ помогло избежать хаоса и войн, подобных тем, которые сопровождали гибель великих империй прошлого, в том числе французской. Эти обстоятельства определили характер «развода»: добровольного со стороны России, поскольку либеральные реформаторы первой волны в своём стремлении на Запад видели в бывших азиатских окраинах, менее развитых и склонявшихся к авторитарному правлению, главное препятствие на пути рыночных реформ и демократии в России. Убеждение, что путь совместного развития потребовал бы отвлечения огромных средств, необходимых для модернизации самой России, на поддержание бывших окраин, дополнялось уве-

¹ Отсылка к классической книге Ж.-Б. Дюрозеля (Duroselle J.-B. *Tout Empire péira. Théorie des relations internationales / J.-B. Duroselle. Paris : Armand Collin, 1992. 346 p.*).

ренностью в безальтернативности сохранения их связи с Москвой. Эти расчёты в краткосрочной перспективе оказались верными, главным образом, из-за первоначально слабой заинтересованности внешних игроков в проблемных экономиках бывших союзных республик Азии и Кавказа.

В среднесрочной перспективе центробежные процессы, сопровождавшие становление новых независимых государств, ускорились: поиск ими собственной идентичности, источников развития и внешних партнёров, и, как одно из следствий, – дискриминация на местах и массовый исход русского населения. История взаимоотношений между новыми независимыми государствами в рамках СНГ и вне их, также как их отношений с Россией освещена в книге во всех подробностях. Этим сюжетам посвящена львиная доля текста, центральная часть, озаглавленная «После СССР». Здесь хотелось бы остановиться на двух главных вопросах, связанных с политикой России на постсоветском пространстве и определивших характер её нынешних отношений с Западом: сохранение её «имперских» амбиций в ближнем зарубежье; поиск формулы отношений с Западом в обеспечении российских интересов в условиях постсоветской реорганизации региона.

Ю.И. Рубинский показывает, что выдвижение СНГ на первое место среди внешнеполитических приоритетов Москвы имело глубокие причины, органичные новой российской геополитике, учитывающей изменения международного контекста, прежде всего, в области безопасности. Победитель выборов 2000 г. В.В. Путин видел в СНГ, прежде всего, расширенное пространство безопасности: на востоке – перед лицом сильного Китая, на юге – из-за роста исламистской угрозы, а на западе – из-за расширения НАТО. Не менее важным, как отметил автор, являлся рост встречного интереса к усиленному сотрудничеству с Россией со стороны ряда стран СНГ, наиболее зависимых от неё в финансовой, энергетической и военной областях. В то же время разновекторность интересов участников СНГ, асимметрия их отношений с бывшей метрополией при недостатке экономического потенциала самой России препятствовали становлению СНГ в качестве жизнеспособной интеграционной матрицы, способной умножить потенциал его членов. Возможные финансовые и технологические «спонсоры» их модернизации находились за его пределами. От этого более узкие форматы сотрудничества, а в ещё большей степени – двусторонние договоры, направленные на поддержание прежних связей и реализацию взаимных интересов, были предпочтительнее объединения двенадцати стран СНГ.

Российские интересы в Центральной Азии: возможность игры с положительной суммой

Заслуживает особого внимания также диверсификация методологических подходов в анализе различных географических направлений политики России на разнородном постсоветском пространстве, в первую очередь, два самых острых досе, посвящённых отношениям с Украиной и политике в Центральной Азии. Речь идет о защите интересов России с начале 2000-х гг. в регионе, который стал центром «большой игры» планетарного масштаба. Помимо России, в ней участвовали Китай и США, в геополитике которых он фигурирует под названием «Большой Ближний

Восток». Нестабильность, изменчивость соотношения сил в регионе не допускают статичного подхода в затверделых категориях «вечных» интересов и «исторических прав», отчего автор берёт на вооружение методы анализа и прогнозирования, соответствующие динамике игры. Им предложен горизонтальный срез, с детальным анализом интересов и политических комбинаций с участием России и США в тот момент, когда отношения между ними подошли к развилке, от которой отходили два пути: кооперативный и конфронтационный. Первый был продиктован здоровой оценкой соотношения сил. По мнению Ю.И. Рубинского, «Россия отдаёт себе отчёт в ограниченности своих возможностей, которые уже не те, что были при СССР. Поэтому она предпочитает компромисс бесплодному и разорительному противоборству, допуская, что может делить влияние в своей “заповедной зоне”» [Roubinski, 2020: 410]. Читателю предоставлена возможность посмотреть начальную партию игры, заранее зная результат. Но тем интереснее заглянуть в расчёты игроков. Пользуясь этой метафорой, Ю.И. Рубинский предлагает выйти за рамки анализа в привычной логике игры с нулевой суммой, в которой выигрыш одного означает проигрыш другого. Автор видит иные комбинации в соответствии с перспективами, которыми открылись вследствие окончания холодной войны и теракта 11 сентября. Это было время, когда на Западе ожидали конфликта интересов России и Китая, а главным политическим игроком считали США. В Москве тогда не определились с приоритетным стратегическим партнёром, но желали, чтобы им был Запад при условии, что партнёрство будет равноправным.

В Кремле рассчитывали, что нарастание противоречий с Китаем и «малыми» игроками в регионе прижимает Запад к тесному партнёрству с Россией. Несмотря на возражения в связи с расширением НАТО на восток, абсолютным приоритетом безопасности была борьба с международным терроризмом. России западные силы отводили второстепенную роль в «большой игре» в Центральной Азии, поскольку зеркально полагали, что потенциальный конфликт интересов с Китаем на Дальнем Востоке и в Центральной Азии ослабляет её позиции, что снижало мотивацию к компромиссам, к соблюдению российских интересов. Между тем, итог «большой игры» мог быть сведён с положительной суммой [Roubinski, 2020: 404]. Новые независимые государства, граничащие с Афганистаном, не могли самостоятельно отразить вооружённое наступление исламских экстремистов, а сами Соединённые штаты не хотели отвлекать ресурсы от приоритетного – ближневосточного направления. В тех условиях полное вытеснение России из Центральной Азии не входило в планы США, которые предпочитали найти там способ сосуществования с Россией. В свою очередь, Москва стремилась продемонстрировать незыблемость своих интересов активизацией усилий по военной (ОДКБ) и экономической (Евразийское экономическое сообщество) интеграции, приуроченных, как отмечает автор, к официальному визиту Дж. Буша-мл. в Москву в мае 2002 г. Имплицитное «послание» Москвы в итоге определило дальнейшее развитие игры. Подобное сопоставление, казалось бы, разнородных событий является «фирменной» чертой Ю.И. Рубинского – аналитика, поскольку позволяет из частных случаев создать целостную картину, не всегда очевидную для наблюдателя с более узким горизонтом. С одной стороны, отношения России и США в регионе не сводились к простому балансу «выиграв-

ший – проигравший». С другой стороны, Россия превратилась в ключевого игрока в деле безопасности региона, а географические границы, в которых она обеспечивает свою безопасность на южном фланге, существенно шире, чем постсоветское пространство. Таким образом, «большая игра» отошла от первоначальных правил, как предсказано в одном из сценариев, рассмотренных Ю.И. Рубинским. В то же время продолжение сотрудничества вокруг Афганистана не отменило главного, расходящегося вектора отношений России с Западом, которые на прочих направлениях всё более тяготели к игре с нулевой суммой. В те годы она уже была обозначена активным военным сотрудничеством США с Грузией, и усилившаяся борьба за постсоветское пространство определялась не столько соотношением сил между Москвой и солидарным Западом, сколько, совместимостью перспектив развития новых независимых государств с выбором самой России.

Геополитика на службе геоэкономики: «трубопроводная война» как источник развода с Украиной

Острейший кризис европейской безопасности 2021–2022 гг., эпицентром которого стали российско-украинские противоречия, заставляет задуматься о его истоках, потому что упрощением было бы сводить его к расходящимся векторам постсоветского развития двух стран или к более конкретной причине – воссоединению Крыма с Россией в 2014 г. С политической точки зрения его зарождение вписывается в столкновение двух расходящихся геополитик: российской, заинтересованной в совместном развитии и усилении интеграции, и украинской, выбравшей западный путь развития, – выбор, психологически неприемлемый для российской элиты. Однако это объяснение не может быть исчерпывающим, так же как не объясняет оно и крайнюю степень вовлечённости Запада в это досье. Ключ к разгадке Ю.И. Рубинский видит в геоэкономике¹. Он исследует энергетические интересы, лежавшие в основе российско-украинских трений в связи с первым конфликтом вокруг цены на газ между «Газпромом» и «Нафтогазом» в январе 2006 г. через отношения в «треугольнике», третьей вершиной которого является ЕС. Несмотря на быстрое разрешение на путях компромисса тот конфликт был воспринят в Брюсселе очень остро, поскольку затрагивал энергетическую безопасность ЕС, и экономические трения в газовой области стали постоянным раздражителем в отношениях России как с Украиной, так и с другими транзитными странами и одновременно потребителями из Восточной Европы, а также источником тревоги в странах ЕС, треть газových потребностей которого обеспечивается Россией. Мотивы ужесточения ценовой политики «Газпрома» автор видит в экономике. Это потребность в модернизации изношенной трубопроводной системы «Газпрома» – главной артерии, питавшей российский бюджет, что требовало инвестиций, в разы превосходивших возможности страны. Ю.И. Рубинский приводит астрономическую сумму, равную трём ВВП

¹ Под геоэкономикой понимается экономическая стратегия государства, поставленная на службу геополитическим интересам (Luttwak E. From Geopolitics to Geoeconomics. Logics of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, summer 1990).

России [Roubinski, 2020: 341], которая не могла позволить себе льготные цены на газ для восточноевропейских транзитёров.

Главной в этой цепи была Украина, которой был предложен выбор: согласиться с рыночной ценой на газ, отказавшись от прежних привилегий, или подчинить национальные газораспределительные сети «Газпрому», а также вступить в Евразийский экономический союз. Поскольку укрепление суверенитета в глазах Киева исключало энергетическую интеграцию с Россией, особенно после «оранжевой революции», команда Ющенко перевела газовый вопрос в стратегическую плоскость, причём, в самой чувствительной точке, связав рост цены на российский газ с ценой аренды Севастополя. Для ЕС заинтересованность в собственной энергетической безопасности одновременно и повышала стремление к созданию общего энергетического пространства с Россией, и требовала сдерживания давления «Газпрома» на транзитёров. Частный вопрос о цене газовых поставок, таким образом, вышел за рамки двусторонних экономических разногласий и грозил отравить общий климат отношений России, стран общего соседства и ЕС.

Выход на путях гармонизации энергетических интересов в то время виделся автору в духе исторической формулы Эдгара Фора «независимость во взаимозависимости», что позволило бы избежать повторения газовых кризисов. Поскольку этот сценарий не удался, кризисы эти неоднократно повторялись. То, что газовый кран в разгар зимы перекрывала Россия, порождало у европейцев представление об использовании энергетического шантажа и привело к ускорению сближения Украины с ЕС и НАТО, прочертив «красную линию» между Россией и Западом. Украина не станет «мостом между Россией и Западом», а, как предсказал автор, «к своему несчастью, превратится в поле столкновения между ними» [Roubinski, 2020: 381]. Написанное сразу после прихода к власти Ющенко в 2004 г., сбылось в 2013 г. Украинский вопрос стал показателем общего ухудшения отношений России с Западом и параллельной смены геополитических ориентиров самой России. Её причинам и содержанию в книге Ю.И. Рубинского посвящена отдельная часть: «Двуглавый орёл».

Геополитический разлом в новой парадигме международного развития

Два практически одновременных события весной-летом 1997 г. – подписание Основопологающего акта отношений между Россией и НАТО и решение Атлантического совета о приглашении в НАТО трёх первых кандидатов из Восточной Европы стали поводом для размышлений о будущем европейской безопасности. Ю.И. Рубинский отметил, что ими открыт новый этап в создании системы коллективной безопасности в Европе, требующей от руководителей США, России и европейских стран «ответственности, мудрости и воображения» [Roubinski, 2020: 436]. Возникает вопрос о причине столь болезненной реакции России на расширение. Камнем преткновения Ю.И. Рубинский считает отказ России от предложенного Западом ограничения государственного суверенитета. Добровольно согласившись делегировать его атрибуты Брюсселю, члены ЕС и НАТО закрепили за собой право на «гу-

манитарное вмешательство» в третьих странах в случае, если там грубо нарушаются права человека. На фоне начала военной операции в Чечне приближение Альянса к границам России развязало самый серьёзный кризис доверия между Россией и НАТО, тем более острый, что Москва не имела средств ему сопротивляться. Автор предсказывал, что это сделало неотвратимым начало новой холодной войны. Снизить издержки от расширения для России мог статус «привилегированного партнёра» НАТО, который бы обеспечил тесное сотрудничество и прозрачность в сфере безопасности. Параллельно Россия стремилась усилить роль ОБСЕ и была заинтересована в усилении европейской оборонной идентичности в опоре на Западноевропейский союз, вне американской опеки. Огромный дипломатический опыт автора не позволял ему увлечься мечтами, что не мешало адресовать европейским читателям предупреждение об опасности строить отношения с Россией как с побеждённой в холодной войне державой, поскольку «победители и побеждённые могут, как это неоднократно было в XX в., поменяться местами» [Roubinski, 2020: 457].

Неудача «разделённой мечты» в треугольнике Россия – Турция – ЕС

В становлении новой мировой иерархии особое значение приобретают различные комбинации центров силы. Мне уже приходилось говорить о методологическом вкладе Ю. И. Рубинского в изучение франко-российских отношений в историческом европейском треугольнике Париж – Берлин (Бонн) – Москва [Обичкина, 2020: 191–201]. Наряду с этим, в книге подробно рассмотрена многовековая история большого евро-азиатского «треугольника» Россия – Турция – Западная Европа. Россию и Турцию роднит пограничное положение между Европой и Азией, так же как острота вопроса о выборе идентичности между вестернизацией и автохтонным развитием и, следовательно, нерешённый вопрос о принадлежности европейской семье. В обеих странах источник модернизации видели, прежде всего, на Западе, и «разделённая мечта» сблизиться с европейским полюсом развития стала стержнем эссе. Поводом для его написания стало включение Турции в лист ожидания на вступление в ЕС в декабре 1999 г.

В этой связи автора интересует вопрос о том, где кончаются границы Европы? Он волновал как «западников» в России, так и европейцев – противников приёма Турции, прежде всего, во Франции. Сразу же возникал вопрос о том, почему в качестве кандидатов рассматривалась не Россия или Украина, а мусульманская Турция. Автор скептически относился к возможности интеграции в ЕС Турции, так же как России или Украины при жизни этого поколения, но считал, что Россия и Турция могли бы, каждая по-своему, стать мостиками между Европой и регионами Азии через Ближний Восток, Центральную Азию и Кавказ, если отношения на этих пространствах будут развиваться в логике сотрудничества, а не соперничества. Вместе с тем, он указал на вероятность, что диалог Запада с Россией с позиции силы может, как это неоднократно бывало в истории, вернуть Турции былое значение в антироссийском фронте. Последующий опыт показал, что отношения с ЕС у Турции и России развивались в иной логике, в намеченной, но не утвердившейся ещё

парадигме расходящегося геополитического, если не цивилизационного, развития. Двойной отказ от «европейской мечты» двух евро-азиатских держав стёр инклюзивные силовые линии в «треугольнике». Последствия были предсказаны Ю.И. Рубинским около двадцати лет назад: «всякое решение, оставляющее одну или другую страну в роли маргинала или выталкивающее их из Европы, будет означать конец амбициозным стремлениям европейцев превратить когда-нибудь свой Союз в настоящий центр силы» [Roubinski, 2020: 634].

Каждая книга после публикации из высказывания превращается в предмет изучения. На первый взгляд, в этом издании читателю не хватает датировки вошедших в неё публикаций, но, видимо, это не упущение, а замысел. Высказывание в реальном времени теряет преходящий характер и, лишённое налёта злободневности, выводится на более высокий уровень актуальности. Умение историка устанавливать причинно-следственные связи в двух перспективах – горизонтальной, в которой можно понять, почему события, происходящие в одной части мира, отзываются в других, и ретроспективной, позволяющей рассмотреть процесс в динамике, дает возможность выстроить сценарии последующего развития в новой системе координат, намеченной в книге пунктиром. Резкое обострение дискуссии России и Запада по вопросам европейской безопасности в связи с украинской проблемой с осени 2021 г., как и общий тренд расходящегося движения России и стран НАТО диссоциируют с общей идеей европейской общности, отстаиваемой Ю.И. Рубинским. Однако то, что послание современникам и будущим поколениям не воспринято в тот момент, когда у автора возникла потребность его сформулировать, не означает тщетности усилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рубинский Ю.И. (2018) Приметы времени. В 3-х т. Институт Европы РАН, Москва.
- Обичкина Е.О. (2020) Связь времён через “приметы времени”: о методологии исторического анализа настоящего. *Современная Европа*, № 1. С. 191–201.
- Обичкина Е.О. (2021) Россия и мир в зеркале французских исследований: наблюдение за наблюдателями. Е.О. Обичкина. Текст: непосредственный. *Полис*, № 2. С. 180–191.
- Duroselle J.-B. (1992) *Tout Empire périra. Théorie des relations internationales* / J.-B. Duroselle. Paris : Armand Collin, 346 p.
- Luttwak E. (1990) From Geopolitics to Geoeconomics. Logics of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, summer 1990.
- Roubinski Yu.I. (2020) *Les signes du temps. Pour le compte du Globe*, Paris. 781 p.

How to Understand Russia: a View from the Failed Future

Е.О. Obichkina*

Doctor of Science (History)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia, 119454.

*E-mail: obitchkina@mail.ru

Abstract. Foreign publications of Russian historians-specialists in country studies are a special genre of scientific research. They are designed to address pressing issues that are in the focus of attention of foreign audience and connected to Russia. The collection of publications on France by one of the best Russian specialists of French history Yu. Rubinsky, written mostly in 1997-2000s, is devoted to the topic of European future of Russia. The author employs a wide array of history-political analysis methods in order to overcome prejudice and stereotypical understanding of Russian foreign policy interests. He believes that the roots of the crisis in the tri-lateral relationship of Russia – Ukraine – West lie within clashing political and energy interests. The fall of USSR is positioned as part of the global dissolution of colonial empires. Possible cooperation of Russia and USA in Central Asia is considered in the context of the Big game. Ideas of Yu. Rubinsky are based on his understanding of European perspective, which is not very different from the views of French scholars. The core of them is coexistence of European union (unlike North Atlantic Alliance) and Russia in accordance with the pragmatic harmonization of economical, energy interests and common security space.

Keywords: “Russian question”, the foreign policy of Russia, the concept of sovereignty, Russia and the West, Russia's policy in Central Asia, conflict of energy interests of Russia–Ukraine–EU, Russia–Turkey–Europe.

DOI: 10.31857/S0201708322030147

EDN: GHAUGI

REFERENCES

- Duroselle J.-B. (1992) *Tout Empire périra. Théorie des relations internationales* / J.-B. Duroselle. Paris : Armand Collin, 346 p.
- Luttwak E. (1990) From Geopolitics to Geoeconomics. Logics of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, summer 1990.
- Obichkina E.O. (2020) *Cvyaz' vremyon cherez “primety vremeni”*: o metodologii istoricheskogo analiza nastoyashchego [The connection of times through “signs of time”: on the methodology of the historical analysis of the present]. *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 191–201. (in Russian).
- Obichkina E.O. (2021) *Rossiya i mir v zerkale francuzskih issledovaniy: nablyu-denie za nablyudatelyami* [Russia and the World in the Mirror of French Studies: observation of observers]. E.O. Obichkina. *Tekst: neposredstvennyj. Polis*, No 2, pp. 180–191. (in Russian).
- Rubinski, Yu.I. (2018) *Primety vremeni* [Sings of times], Institute of Europe RAN, Moscow, Russia. (in Russian).
- Roubinski Yu.I. (2020) *Les signes du temps* [Sings of times]. Pour le compte du Globe, Paris. 781 p.